

Живет в Екатеринбурге (Россия). Визитная карточка участника.

* * *

В детстве моём и сейчас до берёзовой рощи
недалеко и до счастья – рукою подать:
Ветер залётное облако в небе полощет,
велосипедное лето, июль, благодать.

Шорох жука, что в коробочке, краток и кроток,
если ты к уху поближе её поднесёшь.
Дерзкое мини в почёте у местных красоток,
у поселковых пижонов – немыслимый клёш.

Комната наша – вагончик – устала очи
на типовую – напротив – подружку свою,
мы без утайки и ссоримся здесь, и хохочем –
в этом хрущёвском, отдельном, панельном раю.

Знает посёлок, что нынче хоронят кого-то
или кому-то рожать наступила пора,
драка была после танцев у клуба в субботу
или Петровы с полочки пошли в ресторан.

Может, поэтому все мы родные немножко,
и не беда, что до самой полночной поры
шлягер сезона в открытое настезь окошко –
«Вологда, Вологда» – снова твердят «Песняры».

* * *

Однажды, в январе, под утро, видишь сон,
где ты родня кустарникам и травам:
ты вместе с ними был произнесен
на языке природы величавом.

Ты тянешь ветви вверх, пускаешь корни вниз
в той местности, где выпало родиться,
и твой биоценоз не парадиз,
а просто дом. И дерево не птица.

Но если по стволу земная глубина
Несёт наверх таинственное слово
и мантрами дождя листва полна,
то чем ты хуже древа мирового?

...Ты смотришь внутрь себя, губами шевеля,
держа ладонь, как дети, под щекою,
а за окном застыли тополя,
а вдруг им снится что-нибудь людское...

Откуда наши сны? И есть ли в них резон?
...Но после, возвратясь в морозы и метели,
всё чувствуешь, как лист последний невесом,

и почек набухание в апреле.

* * *

В окрестном парке – ужин на траве:
буколика, идиллия, картинка.
Слюдою в масле плавится сардинка,
плоть сыра, источающая свет,

огурчик малосольный – первый сорт,
сухое в одноразовой посуде...
На склоне дня вкушающие люди,
знакомые пейзаж и натюрморт.

А скатерти полотнище легло,
майн готт, белее снега – данке, данке,
как будто по рассеянности ангел
в траве оставил белое крыло.

И как бы ни толкала круговерть
по собственным делам поторопиться,
на в общем-то простые эти лица
хотелось обернуться и смотреть.

Хотелось развернуться – и назад,
и тоже пировать... и длиться, длиться,
где этот август, вечера и птицы,
как сотня колокольцев, голоса.

И, может быть, какой-нибудь моне –
законодатель модных нынче правил –
навек бы нас счастливыми оставил
вот так, запечатлев на полотне.

